

Великий Глинка

Гордость и национальная слава русского народа, основоположник великой русской музыкальной классики. Михаил Иванович Глинка стал незакатным солнцем нашей музыки, так же, как в литературе Александр Сергеевич Пушкин.

Минувшее столетие принесло неувядающую славу музыке Глинки. Она звучит и живет в музыкальных театрах, на концертных эстрадах, в широких кругах музыкальной самодостаточности, в быту. Бессмертные творения великого композитора учат и воспитывают поколение за поколением музыкальной молодежи; его мудрые эстетические принципы, оплодотворявшие творчество всех русских композиторов, воздействуют на музыку наших современников.

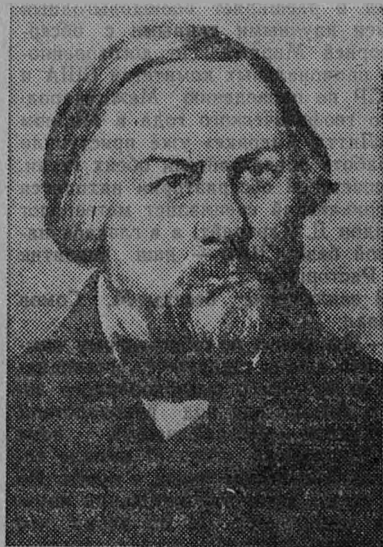
За год до смерти пятидесятидвухлетний М. И. Глинка, уже автор величайших творений, пренасыщенных удивительных красот и мастерства, — опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила», испанских увертюр, «Камаринской», «Вальса-фантазии», множества чарующих, великолепных романсов, — едет в Германию, где изучает западную музыку и продолжает углубленно совершенствовать свое мастерство.

Знакомство с западной музыкальной наукой Глинка совершает творчески, критически, исходя из ясно поставленных эстетических целей, соответствующих его пламенным патристическим убеждениям.

Пытливый ум Глинки и его чуткое большое сердце ощущаются в каждом такте смелой и задумчивой, богатейшей содержанием музыки композитора, в его эстетических высказываниях, полных любви и уважения к культуре русского народа, демократической заботы о широких слоях слушателей. Как же может не восхищать известное высказывание

К 100-летию со дня смерти

Глинки в письме Н. В. Кукольникову: «...Можно соединить требования искусства с требованиями века и, воспользовавшись усовершенствованием инструментов и исполнения, писать пьесы, равно докладные знатокам и простой публике...». Эта мысль непреложна и сейчас для му-

зыкальщиков, заботящихся о доступности своего творчества.

В одной из бесед с А. Н. Серовым Глинка подчеркнул силу критерия народности, значение народных истоков в творчестве, сказав: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем». Это проникательное высказывание Глинки также крепко вошло в нашу эстетическую науку.

Глинка часто повторяет мысль о том, что содержание и форма в искусстве неразделимы. «Красота му-

зыкальной мысли вызывает красоту оркестра», — указывает он в своих «Заметках об инструментровке».

В письме к В. Н. Кашперову он отмечает: «...Все искусства, а следовательно и музыка требуют: 1) Чувства — это получается от вдохновения свыше. 2) Формы. Форма значит красота, т. е. соразмерность частей для составления стройного целого. Чувство зиждет — дает основную идею; форма облекает идею в приличную подходящую визу... Чувство и форма это — душа и тело. Первое дар Вышней благодати, второе приобретается трудом, — причем опытный и умный руководитель — человек вовсе не лишний».

Высказывая такие мысли, Глинка раскрывал существо своего творческого метода — неустанное стремление к совершенствованию формы своих произведений, выражающих очень глубокие чувства: то пламенно патристические, то трогательно-лирические или скорбные, то сосредоточенно-эпические, радостные и патетико-величественные. Многообразие этих чувств в музыке Глинки поразительно и выявляется в незабываемых по своей рельефности музыкальных образах.

Разве можно забыть, раз услышав ликующе-торжественный гимн «Славься», величественно-патристическую предсмертную арию Сусанина «Чуют правду», сосредоточенно-философскую арию Руслана «О поле, поле», бесшабашно-разгульную песню Ильинишны «Ходит ветер у ворот», щемяще-скорбный романс «Уймись, волнения страсти», драматически-живописную песню «Ночной смотр», вдохновенно-лирическое претворение в поэтической музыке пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье», кипучую радость стремительной увертюры к опере «Руслан и Людмила»!

Вместе с тем творчество Глинки содержит в себе и многогранное объективное содержание, идущее от широкого кругозора композитора, его общественных устремлений, отвечающих патристическим идеалам передового русского общества начала XIX столетия. Этот широкий объективизм музыки Глинки, несомненно, имел в своей основе глубокую связь с русской народной песенностью. И эта родная песенность у него была «в крови», он сочинял русские мелодии так, что порою их трудно было отличить от подлинно народных.

Глинкинское понимание народности сформулировал М. П. Мусоргский в своем знаменитом афоризме: «Сусанин — не мужик простой, нет: идея, легенда, мощное создание необходимости...».

В романах, фортепьянных произведениях, операх Глинки мы встречаемся и с музыкальной в духе других народностей: украинской, польской, финской, шотландской, еврейской, итальянской, испанской, кавказских народностей. И везде эта музыка звучит с полной художественной силой, порожденной чутким проникновением автора в существо данных народностей. При этом в музыке композитора никогда не утрачивал своего характерного, глинкинского русского почерка.

Фантазия на две русские темы «Камаринская», положившая основы принципам русского симфонизма, оперы «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила» явились вершинами не только всего творчества композитора, но и сверкающими образцами мировой музыкальной классики. В них полностью выявились неистощимость гениальной композиторской фантазии Глинки, смелость его творческого мышления, нашедшая впоследствии отклик в дерзком девизе композиторов-кучиков «К новым берегам!», глубочайшая идейность его замыслов, верность служению народу, чувство ответственности перед ним.

Музыка столь высокого полета не

могла притянуться чиновичье-крепостническому обществу самодержавного царизма. Сам Глинка потешался над тем, что его музыку называли «кучерской». Однако, находясь в антагонизме с этим обществом и не всегда воочию видя перед собой слушателя, к которому он обращался своей музыкой, композитор мучительно страдал, часто метался в глубоком неудовлетворении, и эти муки на много лет сократили его жизнь. Но и при жизни композитора было немало восхищенных поклонников его музыки.

В последующих поколениях количество друзей музыки Глинки все увеличивалось и любовь к ней становилась все пламенней.

П. И. Чайковский писал П. И. Юргенсону: «Аз принадлежу и есть порождение Глинки».

Н. А. Римский-Корсаков, вспоминая о своей работе по редактированию оперных партитур Глинки, восклицает: «Пределов не было моему восхищению и поклонению этому гениальному человеку». М. П. Мусоргский в своих письмах называет Глинку «великим учителем», создателем «великой школы русской музыки».

Какой радостью наполнялись письма русских музыкантов, когда им удавалось хорошо показать музыку Глинки или услышать вдохновенное исполнение ее! И как негодовали они на тех, кто пытался снизить значение и историческую роль этой музыки.

В наше время пленяющая, вечно живая музыка Глинки получила всенародное признание. Рожденная горячим, взволнованным сердцем и светлым большим умом простого, отзывчивого русского человека и в то же время исполнена-художника, эта музыка звучит в сердцах миллионов.

Все народы Советского Союза и люди многих других стран с любовью произносят имя великого Глинки.

Мариан КОВАЛЬ.